

Евгений ДЕМЕНОК

Чехи

Чехи обожают собак, но говорят на кошачьем языке.

Я захожу в кафе около дома. В нём три женщины, четверо мужчин, пятеро детей и шесть собак.

Типично чешская компания.

Одна из собак — огромный сенбернар размером со стол — подходит ко мне и молча требует, чтобы я её гладил.

Я глажу и напряжённо смотрю на витрину. На ней — одинокий кусок торта.

— Торт свежий? — спрашиваю я.

— Урчите, — отвечает мне молодой человек за барной стойкой.

Как урчать, когда тут собаки? Глядишь, подумаю что-то неладное.

Будто бы читая мои мысли, сенбернар зеваает всей огромной пастью. Зубов — как у акулы.

Что делать? Может, урчать надо, чтобы заслужить торт?

— Прямо вот совсем свежий? — спрашиваю я неуверенно.

— Урчите, — отвечает бармен с лёгким недоумением.

Сенбернар тычет носом мне в ногу, чтобы я не переставал его гладить. На нас внимательно смотрят его друзья — большие чёрные ротвейлеры.

Как тут урчать?

— Можно мне кусок торта и кофе? — спрашиваю я робко.

Может, на этот раз обойдётся деньгами?

— Урчите, — отвечает бармен уже строго и с раздражением в голосе.

Большой чёрный ротвейлер поднимается со своего места и идёт ко мне. Видимо, хочет насладиться зрелищем моего урчания, а потом разорвать на куски.

Не доверяет сенбернару.

— Знаете, что? Урчите сами! — смело бросаю я бармену и быстро направляюсь к дверям.

— На следяноу, — флегматично говорят чехи.

Собаки удивлённо глядят мне вслед.

Я иду домой. Буду урчать в одиночестве.

Прекрасные дамы пахнут розами, а чехи пахнут пивом.

Просыпаясь утром, чех сразу же тянется за бокалом пива. Только после него он окончательно просыпается и идёт на работу.

На работе чех ждёт не дожждётся обеденного перерыва, потому что за обедом можно выпить бокал пива.

Пиво в чешских ресторанах дешевле воды.

И действительно — какой нормальный человек будет пить воду, если есть пиво?

Пить воду — это вредительство, потому что вода нужна для производства пива.

Про вечер я вообще молчу. Все чехи собираются в кафе около дома и пьют пиво. Включая маленьких детей. В чешских кафе около дома вообще нет других напитков.

Как только наступает утро выходного дня, на улице радостно высыпают мамы с колясками. В бутылочках у малышей, конечно же, пиво.

Чешские дети выплёвывают соску, если машина не смачивает её пивом.

Говорят, когда родился чешский Геракл, он тут же потребовал кружку пива. И только выпив её, принялся душить змея.

Возможно, змей был зелёным.

По улицам Праги стало страшно ходить.

Особенно в центре.

Вацлавская площадь, раннее утро. Я жду приятеля и, чтобы не терять времени, одновременно греюсь в лучах робкого весеннего солнца.

Вдруг из-за угла, как чёрт из табакерки, выскакивает здоровенный детина и быстро направляется в мою сторону.

Старательно делает вид, что не ко мне, а просто спешит по делам. Вот он уже рядом. Почти прошёл. Но вдруг — взгляд его меняется и даже как-то просветляется, словно он вспомнил что-то очень важное.

— Экскурсии не желаете? На русском? — спрашивает он учтиво, но как-то строго.

— Спасибо, не желаю, — отвечаю я.

— Опытный экскурсовод, — продолжает он ещё строже.

— Не нужно.

— Ну что же, хорошего дня, — говорит он уверенно и вроде как собирается уходить, но — взгляд его снова меняется и просветляется.

— А рестораны? На русском?

— Нет, спасибо.

— Жаль, — бросает он расстроенно и идёт дальше, словно бы спешит по делам. Через пять минут я встречаю его за углом вместе со старшим, который натаскивает таких, как он, и потом выпускает на беззащитную жертву.

Старший, конечно же, из экскурсионного бюро. "Рестораны на русском, — думаю я. — Какой казус. Неужели за приезжими итальянцами тоже охотятся такие зануды? Предлагают ресторан на итальянском? Французам — на французском, а испанцам — на испанском? Нет, мне кажется, они ходят в обычные рестораны. Для всех".

А мы один раз попались на наживку и зашли в "ресторан на русском". После долгой ходьбы по тёмным коридорам вдруг попали прямо на кухню, где сидели трое мрачных мужчин устрашающей наружности и нецензурно ругались. Потом нас завели в зал, где в интерьере вокзального ресторана сидело несколько несчастных пар. В зале царил напряжённое молчание, и мы подумали, что эти пары — просто приманки для того, чтобы заманить туда нас. Помимо всего прочего, там душно пахло.

Кстати, в то утро на Вацлавской площади на меня напали ещё несколько человек, предлагавших экскурсии. Сначала я отнекивался, потом молчал. А на последнем опробовал новый способ: "Шо-шо? — сказал я. — Не розумію. Агентства отскочила, как ошпаренная. Вот уже третий день ко мне никто не подходит.

"Урчите" — это "конечно" по-чешски.

Леонид ГЕРВИЦ

Венецианский хромой

(ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ)

Евреи, пережившие Холокост, считают, что Бог покинул нашу Вселенную.

Был ранний вечер в Венеции. Я сидел на набережной канала и задумчиво глядел на игру грязной воды у моих ног, у беломраморных позеленевших ступеней. Нежный закат разгорался за огромным телом Dei Fagi и уходил своими крыльями за дома, окаймлявшими площадь. Группа французских школьников, с шумом вывалившаяся из церкви, громко кричала и смеялась своей беспечной молодости, переваливая через мосток канала и во главе со своей наставницей исчезла среди домов.

Вскоре церковная служительница в длинном тёмном платье вышла из церкви и тихо затворила за собой гигантские тяжёлые двери.

Знаменитая Assunta Тициана осталась внутри, в алтаре, и всю следующую ночь будет так же, как последние 500 лет, возноситься в бессмертие до следующего дня, когда она снова явится перед вошедшими в храм в своём нечеловеческом величии.

Чуть поодаль от нее, в полумраке собора, навечно почил ее автор, удостоенный надгробия с ее же, но уже каменным изображением. Его великое творение пережило его и теперь уже будет жить вечно, пока жив человеческий род на этой планете.

Я глядел на акварельную игру воды, на гондольера, беспечно дремавшего на корме своей кормилицы, на сотни голубей, окруживших меня в ожидании поживы, когда взгляд мой упал на одного из них, хромоногое спящего среди своих ненасытных собратьев. Одна из его лапок отсутствовала, чем ставила несчастного в крайне невыгодное положение.

Чувство суровой несправедливости овладело мной. Пытаясь ее устранить доступными мне средствами, я достал из кармана недоеденный венецианский круассан и, оторвав от него кусочек, бросил в сторону бедняги. Тот, не успевший даже сообразить, что это предназначено ему, тут же подвергся массовому нападению собратьев. Сладкий кусочек теста был мгновенно растерзан и исчез в прожорливых клювах "самых мирных" птиц.

Огорченный первой неудачей, свой второй бросок я попытался сделать поточнее, чтобы кусок упал прямо перед клювом моего подопечного. Не тут-то было: туча серых перьев обрушилась наумолимо и молниеносно и туда, и мой инвалид снова остался ни с чем. Все так же нелепо ковыляя и ошалело поглядывая в никуда своим глазом-бусинкой, он явно не понимал, что происходит. А происходила судьба.

Я тут ранее говорил о желании справедливости. "Вот чудак, — скажете вы. — Ну какая может быть справедливость в природе? Это только у людей, да и то так редко случается, что многие уже забыли, как она выглядит".

"...И равнодушная природа", как сказал Гений.

Но и я ведь часть ее. Как тут быть, если мне жаль бедную птицу, которую фактически убивают родственники. Ведь могу же я хоть на чуть-чуть стать богом: спасти беднягу от неизбежной голодной гибели, ну хоть на эту одну предстоящую ночь!

Рассуждая так, я стал искать уловки, чтоб отвлечь нахальную толпу. Заброшу-ка я кусочек моей спасительной булочки куда-нибудь. Вся серая и неопрятная масса ринется туда, а мой "венецианский хромой" не поспеет — тут-то я ему и скормлю персональный кусочек. Но тщетно. И новая попытка потерпела неудачу: стая оголтелых и ненасытных успевала и туда, в сторону и назад, к его личному куску. Я уже дошел до того, что стал разбрасывать несколько комочков сладкого теста в разные места одновременно. Ничего не помогало: мой несчастный оторопело мотался из стороны в сторону, возбужденно зыркая своим коричневым глазком-горошиной. Но предательская культа не могла конкурировать со здоровыми красными лапками его многочисленных конкурентов. Я уже ничем не мог ему помочь. Чувство собственной беспомощности залило меня. "Как же так, — думал я, — я же бог, я же его выбрал, заметил и хочу ему помочь. Пусть судьба к нему неблагоприятна, но я же бог, я же должен что-то сделать, чтобы опровергнуть его жестокою планиду!"

Дремавший на своей гондоле матрос, вынырнув из-под своей необъятной соломенной шляпы с красной лентой, обреченно предложил мне прокатиться. Куда уж тут кататься... Вечер был безнадежно испорчен моей неудавшейся благотворительностью.

Я побрел темными узкими улочками в свою гостиницу. На соседнем канале гулко бухтела драга, очищая дно от грязной вонючей смеси. Мерзкий запах клоаки как-то совсем не вязался с образом великого города, этого "праздника, который всегда с тобой".

В номере было темно и сыро. Я затворил огромное "венецианское" окно и, даже не включив свет, прилеп на кровать, не раздеваясь.

Мне думалось о жизни. История с голубем-калейкой как-то очень просто экстраполировалась на наши людские судьбы. Многие из нас, как и он, бьются насмерть с силами судьбы,

призывая бога если не в участники, то хоть в свидетели — нам всегда страшна борьба в одиночестве...

Легкая дрема наползает на меня, постукивание драги за окном затихает...

Небо в оконном проеме из синего переходит в черное... Я вижу себя мальчиком лет девяти в Одессе, я занят чем-то своим, но слышу, как взрослые говорят о чем-то важном, что надо бы срочно сделать. "Но почему же они ничего не делают, — думаю я, — почему же они только говорят и ничего не делают?" Надо же спешить на помощь!

Я плыву дальше по волнам сновидений, по каналам-артериям моей непростой судьбы... Я вижу рыжего мальчишка-еврея с хасидскими пейсами, свисающими поверх свежего, когда-то накрахмаленного, воротника белой рубашки. Он праздно бродит по залу синагоги. Его розовые, как спелые персики, щеки пышут спокойным здоровьем. Он, конечно, студент Бруклинской иешивы, как и его несколько сотоварищей, склонившиеся здесь же над святыми текстами. Пораженный этой беззаботной ясностью, без тени беспокійства за свой настоящий момент, спрашиваю его, что он собирается делать в жизни. "Не знаю", — отвечает. Я, все же не удовлетворенный таким ответом, продолжаю допытываться о его планах на жизнь. "Всевышний думает за меня", — был мне ответ.

"Но почему же Всевышний не хочет думать за меня?" — вопрошаю я себя.

А может, я не даю ему этот шанс? Ведь я же с детства привык быть в ответе за свои дела и планы. И хоть никто меня специально этому не учил, чувство ответственности (быть мо-

жет — совесть) всю мою жизнь лежало тяжким бременем на моих плечах.

"Бог пытался задуть свечу, а я — заслонить от ветра пламя, используя момент, когда бог отвернется", — так объяснил свою борьбу единственный выживший участник Варшавского восстания Марек Эйдельман.

"...надеюсь, верую, веки не придет ко мне позорное благоразумие..." — последние строчки Владимира Маяковского, его завещание всем неравнодушным на все века.

Ночь плывет над Венецией.

Неумолчный плеск воды о многовековые камни моего палачика, и разбивающаяся на тысячи ртутных капель лунная дорожка перед ним, и стайка пустых гондол, мерно качающихся у главного входа, и тихий, еле доносящийся сюда звук оркестра вдаль за мостом Риальто — так это и есть равнодушная природа? И миллионы несчастных людей, так никогда и не дождавшихся участия в своих страданиях и несправедливостях, разве это не укор богу на этой прекрасной планете?

С легкой руки Дарвина жестокое противостояние всего живого в природе должно служить залогом его здорового развития, естественного отбора, провозглашавшего торжество победы сильного над слабым.

А как же с альтруизмом, разве не лежит он в основе действий праведников и героев, и разве не свойственен он человеческой природе? Идея справедливости имеет способность к регенерации и, подобно Фениксу, всегда возрождается из пепла исторических катастроф. Истоки доброго начала в человеке должны побороть злобу и жестокую силу. "Я трус, но я не могу молчать, когда при мне творится несправедливость", — говорил один из светочей генетики Эфраимсон.

Когда на следующее утро я подходил к вокзалу Ferrovii, малиновый перерез венецианских колоколов плыл, сопровождаемый перламутровыми облачками по неповторимо лазурному венецианскому небу. Стая сизых голубей, шархнувшись в сторону от моей бодрой ходьбы, легко поднялась и улетела в направлении Canale Grande, блестя на утреннем солнце серебристыми крыльями.

Фото с сайта 1000mil.org.

Редактор **Евгений ГОЛУБОВСКИЙ**.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Марazziлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.